
ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МОРАЛЬНОСТЬ

§ 105

Точка зрения моральности есть точка зрения воли в той мере, в какой она *бесконечна не только в себе, но и для себя* (предшествующий параграф). Эта рефлексия воли в себе и ее для себя сущее тождество в противоположении к в-себе-бытию и непосредственности и развивающимся в нем определенностям определяет *лицо как субъект*.

§ 106

Так как субъективность составляет теперь определенность понятия и отлична от него как такового, от в себе сущей воли, а именно так как воля субъекта как для себя сущего единичного вместе с тем есть (еще и в ней имеет непосредственность), то эта субъективность составляет *наличное бытие понятия*. Тем самым для свободы определилась более высокая почва; теперь в идее есть сторона *существования* или ее реальный момент, *субъективность* воли. Лишь в воле как субъективной может быть действительной свобода или *в себе сущая* воля.

Примечание. Вторая сфера, моральность, представляет поэтому в целом реальную сторону понятия свободы, и процесс, происходящий в этой сфере, состоит в том, что ближайшим образом лишь для себя сущая воля, непосредственно лишь *в себе* тождественная со *в себе* сущей или всеобщей волей, снимается со стороны этого различия, в котором она углубляется в себя, и полагается для себя как *тождественная* со *в себе* сущей волей. Это движение есть, таким образом, обработка имеющейся теперь почвы свободы, субъективности, которая сначала *абстрактна*, а именно отлична от понятия; затем она становится адекватной понятию, и тем самым идея получает свою истинную реализацию; субъективная воля определяет себя также и как *объективная* и, следовательно, *истинно конкретная* воля.

Прибавление. В строгом праве не имело значения, каков мой принцип или каково мое намерение. Этот вопрос о самоопределении и мотиве воли, как и вопрос об умысле, появляется здесь, в области моральности. Поскольку чело-

век хочет, чтобы о нем судили по его самоопределению, он в этом отношении свободен, как бы ни сложились внешние определения. В это внутреннее убеждение человека нельзя вторгаться; его нельзя подвергать насилию, и поэтому моральная воля недоступна. Ценность человека определяется его внутренним побуждением, и тем самым точка зрения моральности есть для себя сущая свобода.

§ 107

Самоопределение воли есть вместе с тем момент ее понятия, и субъективность не только сторона ее наличного бытия, но также ее собственное определение (§ 104). Воля, определенная как субъективная, для себя свободная, ближайшим образом как понятие, сама обладает наличным бытием, чтобы быть как *идея*. Поэтому точка зрения моральности есть по своей форме право *субъективной воли*. Согласно этому праву, воля *признает* и есть нечто, лишь поскольку оно *ее*, поскольку она в нем есть для себя как субъективное.

Примечание. Процесс развития точки зрения моральности (см. примеч. к предыдущему §) носит с этой стороны характер развития *права* субъективной воли или развития способа ее наличного бытия, так что она продолжает определять то, что признано ею в ее предмете своим, пока оно не становится ее истинным понятием, объективным в смысле ее всеобщности.

Прибавление. Все это определение субъективности воли есть в свою очередь целое, которое в качестве субъективности должно обладать и объективностью. Лишь в субъекте может реализоваться свобода, ибо он представляет собой подлинный материал для этой реализации; однако это наличное бытие воли, которое мы назвали субъективностью, отлично от в себе и для себя сущей воли. От этой другой односторонности простой субъективности воля должна освободиться, чтобы стать в себе и для себя сущей волей. В моральности все дело именно в собственном интересе человека, и высокое значение человека состоит именно в том, что он знает себя как абсолютное и определяет себя. Необразованный человек подчиняется власти силы и определенностям природы, дети не имеют моральной воли, а дают определить себя своим родителям; но образованный, внутренне становящийся человек хочет сам быть во всем том, что он делает.

§ 108

Поэтому субъективная воля в качестве непосредственной для себя и отличной от в себе сущей воли (§ 106, примечание) абстрактна, ограничена и формальна. Но субъективность не только формальна, но и составляет в качестве бесконечного самоопределения воли *формальное* в ней. Так как в этом своем первом выступлении в единичной воле оно еще не положено как тождественное с понятием воли, то моральная точка зрения есть точка зрения *отношения и долженствования или требования*. А так как дифференция субъективности содержит также определение, противоположное объективности как внешнему наличному бытию, то здесь выступает также точка зрения *сознания* (§ 8), вообще точка зрения дифференции, *конечности и явления воли*.

Примечание. Моральное пока еще не определено как противоположное неморальному, так же как и право не есть непосредственно противоположное неправовому, на субъективности воли зиждется всеобщая точка зрения как морального, так и неморального.

Прибавление. Самоопределение в моральности следует мыслить как чистое беспокойство и деятельность, которая еще не может прийти к некоему *что есть*. Лишь в нравственности воля тождественна понятию воли и имеет своим содержанием только его. В моральном воля относится еще к тому, что есть в себе; следовательно, это точка зрения дифференции, и процесс развития этой точки зрения состоит в отождествлении субъективной воли с ее понятием. Поэтому *долженствование*, которое еще содержится в моральности, достигается только в нравственном, притом это другое, с которым соотносится субъективная воля, двойственno: во-первых, оно субстанциальное понятие и, во-вторых, внешне налично сущее. Если бы *добро* и было положено в субъективной воле, то тем самым оно еще не было бы осуществлено.

§ 109

Это формальное содержит со стороны своего всеобщего определения прежде всего противоположение субъективности и объективности и относящуюся к этому противоположению деятельность (§ 8), ближайшие моменты которой следующие: *наличное бытие и определенность* в понятии тождественны (ср. § 104), и воля в качестве субъективной сама есть это понятие — различие, причем *для себя*, этих двух моментов и полагание их как тождествен-

ных. Определенность в самой себе определяющей воле есть а) прежде всего как положенная самой волей *в себе*; обособление этой воли в ней самой, *содержание*, которое она себе дает. Это *первое отрицание* и его формальная граница, посредством которой оно есть только *положенное, субъективное*. В качестве бесконечной рефлексии *в себе* эта граница есть *для самой воли, и воля есть* β) воление эту границу снять — *деятельность*, назначение которой в том, чтобы переместить это содержание из субъективности в *объективность* вообще, в *непосредственное наличное бытие..γ*) Простое тождество воли с собой в этом противоположении есть остающееся равным себе в обоих и равнодушное к этим различиям формы *содержание, цель*.

§ 110

Однако это тождество содержания получает на стадии моральности, где свобода есть это тождество воли с собой, есть для нее (§ 105), ближайшее особое определение.

а) Содержание определено для меня *как мое* таким образом, что оно *содержит* в своем тождестве мою субъективность не только как мою внутреннюю цель, но, поскольку оно обрело *внешнюю объективность*, и мою субъективность *для меня*.

Прибавление. Содержание субъективной, или моральной, воли содержит свое особое определение: даже когда оно достигло формы объективности, оно должно все еще содержать мою субъективность, и действие должно быть значимым, поскольку оно было внутренне определено лишь мною, было моим замыслом, моим намерением. Большее, чем заключалось в моей субъективной воле, я не признаю в его проявлении как мое, и я требую видеть во внешнем проявлении мое субъективное сознание.

§ 111

б) Содержание, хотя оно и заключает в себе особенное (оно может быть взято откуда угодно), обладает в качестве содержания *рефлектированной в себе* в своей определенности, следовательно, тождественной себе и всеобщей воле α) определением, что оно в себе самом соответствует *в себе* сущей воле или обладает *объективностью понятия*, но β) так как субъективная воля в качестве для себя сущей одновременно формальна (§ 108), это только *требование*, и воля *содержит* также возможность не быть *соответственной понятию*.

§ 112

с) Осуществляя свои цели, я *сохраняю* свою субъективность (§ 110), но вместе с тем этим осуществлением своих целей как их объективацией я снимаю эту субъективность как *непосредственную*, тем самым как эту мою единичную субъективность. Эта, таким образом, тождественная мне внешняя субъективность есть *воля других* (§ 73). Почва существования воли — теперь *субъективность* (§ 106), и воля других есть одновременно другое для меня существование, которое я придаю своим целям. Осуществление моих целей обладает поэтому в себе этим тождеством моей воли и воли других — оно имеет *позитивное отношение к воле других*.

Примечание. Объективность осуществленной цели включает в себя поэтому три значения или, вернее, содержит в одном три следующих момента: а) *внешнее непосредственное наличие бытия* (§ 109), β) *соответственность понятию* (§ 112)⁵¹, γ) *всеобщую субъективность*. Субъективность, сохраняющаяся в этой объективности, состоит в том, а) что объективная цель есть *моя цель*, так что я сохраняю себя в ней в качестве этого (§ 110); β) и γ) субъективности уже совпали с β) и γ) объективности. Что эти определения, отличаясь с точки зрения моральности, объединены так, что получается только *противоречие*, составляет ближайшим образом *явленность или конечность* этой сферы (§ 108), и развитие этой точки зрения есть развитие этих противоречий и их разрешений, которые, однако, в пределах этой точки зрения могут быть лишь *относительными*.

Прибавление. При рассмотрении формального права было сказано, что оно содержит только запреты, что строго правовое деяние имеет, следовательно, лишь отрицательное определение по отношению к воле других. В области моральности, напротив, определение моей воли по отношению к воле других позитивно, а это означает, что субъективная воля обладает в том, что она реализует, в себе сущей волей как неким внутренним. Здесь налицо порождение или изменение наличного бытия, и это имеет отношение к воле других. Понятие моральности есть внутреннее отношение воли к себе самой. Однако здесь не только *одна* воля; но объективирование одновременно содержит в себе определение, что единичная воля снимает себя в нем и тем самым, поскольку отпадает определение односторонности, положены две воли и их позитивное отношение друг к другу. В праве не имеет

значения, претендует ли воля других на что-нибудь по отношению к моей воле, которая дает себе *наличное бытие* в собственности. Напротив, в области моральности речь идет и о благе других, и это позитивное отношение может появиться лишь здесь.

§ 113

Выражение воли как *субъективной*, или *моральной*, есть *поступок*. Поступок содержит названные выше определения: а) я знаю его в его внешнем выражении как мой, б) он в качестве *долженствования* есть существенное отношение к понятию и γ) к воле других.

Примечание. Лишь выражение моральной воли есть *поступок*. *Наличное бытие*, которое воля дает себе в формальном праве, есть в *непосредственной вещи*; оно само непосредственно и для себя еще не имеет *явного* отношения к понятию, которое еще не противопоставлено субъективной воле, не отлично от нее, не имеет и *позитивного* отношения к воле других; веление права по своему основному определению — лишь *запрет* (§ 38). Договор и неправо начинают, впрочем, уже иметь отношение к воле других, однако *согласие*, которое достигается в договоре, основано на произволе, и *существенное* отношение в нем к воле других в качестве правового негативно — сохранить (по ее ценности) мою собственность и оставить другому то, что принадлежит ему. Напротив, преступление с той его стороны, которая связана с *субъективной волей*, в том его виде, в котором оно в этой воле существует, принимается во внимание лишь здесь. Судебное действие (*actio*), которое по своему содержанию, предписанному законом, не может быть вменено мне, содержит лишь несколько моментов собственно морального поступка, причем *внешним* образом; то, что в нем от собственно морального поступка, есть поэтому аспект, отличный от него как судебного акта.

§ 114

Право моральной воли содержит следующие три стороны:

а) *абстрактное*, или *формальное*, право поступка на то, чтобы его содержание, так, как он осуществлен в *непосредственном* наличном бытии, было вообще *моим*, чтобы он был, таким образом, *умыслом* субъективной воли;

б) *особенное* в поступке есть его *внутреннее* содержание, а именно а) как оно по своему всеобщему ха-

рактеру определено для меня, что составляет ценность поступка и то, чем он для меня значим, что составляет *намерение*; β) его содержание в качестве моей *особенной цели* моего частного субъективного наличного бытия есть *благо*;

с) это содержание как *внутреннее*, одновременно возведенное в свою всеобщность как во в себе и для себя сущую *объективность*, есть абсолютная цель воли, добро, выступающее в сфере рефлексии вместе с противоположностью *субъективной* всеобщности, частью вместе со злом, частью вместе с *совестью*.

Прибавление. Чтобы быть моральным, каждый поступок должен прёжде всего совпадать с моим намерением, ибо право моральной воли состоит в том, что в ее наличном бытии получает признание лишь то, что внутренне существовало как умысел. Умысел касается лишь формальной стороны, т. е. внешняя воля должна быть во мне и как нечто внутреннее. Напротив, во втором моменте возникает вопрос о намерении при совершении поступка, т. е. об относительной ценности поступка для меня; и наконец, третий момент представляет собой не только относительную ценность, но и всеобщую ценность поступка — добро. Первым разрывом в поступке является разрыв между тем, что составляло умысел, и тем, что налично суще и совершено; вторым — между тем, что существует внешне как всеобщая воля и внутренним особым определением, которое я ему придаю; наконец, третье состоит в том, чтобы намерение было и всеобщим содержанием. Добро есть намерение, возведенное в понятие воли.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ
УМЫСЕЛ И ВИНА

§ 115

Конечность субъективной воли в непосредственности действования состоит непосредственно в том, что воля имеет *предпосылкой* своего действия внешний предмет и многообразные связанные с ним условия. *Действие* вносит изменение в это предлежащее наличное бытие, и воля вообще несет *вину* за это, так как в измененном наличном бытии содержится предикат — *моё*.

Примечание. Происшествие, создавшееся состояние есть *конкретная* внешняя действительность, в которой вследствие этого содержится неопределенное множество обстоятельств. Каждый отдельный момент, являющий себя

как условие, основание, причина такого обстоятельства и тем самым привнесший нечто *свое*, может рассматриваться как виновный *в нем* или во всяком случае как несущий часть вины *за него*. Поэтому формальный рассудок при рассмотрении какого-либо богатого обстоятельствами события (например, французской революции) может совершать выбор между бесчисленным их множеством и решить, на какое именно он возлагает вину за случившееся.

Прибавление. Мне может быть вменено то, что содержалось в моем умысле, и при рассмотрении преступления это имеет преимущественное значение. Однако в вине заключается совершенно внешнее суждение, совершил ли я нечто или не совершил, из того, что я несу за что-либо вину, еще не следует, что преступление может быть мне вменено.

§ 116

Если вещи, собственником которых я являюсь и которые в качестве внешних вещей находятся и действуют в многообразных связях (как это может случиться и со мной в качестве механического тела или живого существа) и причиняют тем самым вред другим, то это — не мое собственное действие. Однако на меня *в большей или меньшей степени* возлагается ответственность за этот вред, поскольку эти вещи вообще мои, хотя по своей присущей им природе они лишь более или менее подчинены моему господству, являются предметом моего внимания и т. д.

§ 117

Самостоятельно действующая воля обладает в своей цели, направленной на предлежащее наличное бытие, *представлением о его обстоятельствах*. Но так как эта воля из-за этой предпосылки *конечна*, предметное явление для нее *случайно* и может содержать в себе нечто другое, чем то, что содержится в ее представлении. Право воли, однако, признавать в своем *действии* лишь то своим *поступком* и нести *вину* лишь за то, что ей известно о предпосылках ее цели, что содержалось в ее *умысле*. Действие может быть *вменено* лишь как *вина воли*; это — *право знания*.

Прибавление. Воля имеет перед собой наличное бытие, на которое направлены ее действия; но чтобы суметь это осуществить, она должна иметь представление об этом наличном бытии, и я несу истинную вину лишь постольку, поскольку предлежащее наличное бытие было доступно

моему знанию. Имея такую предпосылку, воля конечна, или, вернее, такую предпосылку воля имеет потому что она конечна. Поскольку я мыслю и хочу разумно, я не стою на этой точке зрения конечности, ибо предмет, на который направлено мое действование, не есть противостоящее мне другое; конечность же несет в себе постоянный предел и ограниченность. Мне противостоит другое, нечто случайное, лишь внешне необходимое, которое может совпадать со мной или быть отличным от меня. Но я — только то, что есть в отношении к моей свободе, и деяние — вина моей воли лишь постольку, поскольку я об этом знаю. Эдип, убивший своего отца, не ведая о том, не подлежит обвинению в отцеубийстве; но в древних законодательствах не придавали такого значения субъективному моменту вменению, как в наши дни. Поэтому у древних народов возникали убежища, где бегущий от мести находил приют и защиту.

§ 118

Далее, поступок, перемещенный во внешнее бытие, всесторонне развивающееся сообразно своим связям в последовательности внешней необходимости, ведет к многообразным *последствиям*. Последствия как *образование*, имеющее своей душой *цель поступка*, суть его (принадлежащее поступку), но вместе с тем поступок в качестве положенной во *внешнее бытие* цели отдан во власть внешним силам, которые приводят с ним в связь нечто совершенно другое, чем то, что он есть для себя, и перемещают его, заставляя переходить в отдаленные, чуждые ему последствия. Воля имеет также право *вменять* себе лишь первые последствия, ибо лишь они входят в ее *умысел*.

Примечание. Какие последствия *случайны* и какие *необходимы*, остается неопределенным из-за того, что внутренняя необходимость выступает в конечном как *внешняя* необходимость, как отношение друг к другу в наличном бытии единичных вещей, которые в качестве самостоятельных встречаются внешним образом и безразличны друг к другу. Принцип, гласящий: пренебрегай последствиями твоих поступков, и другой: оценивай свои поступки по их последствиям и сделай их масштабом правого и доброго — одинаково абстрактно рассудочны. Последствия как собственное *имманентное* формирование поступка открывают лишь его природу и суть не что иное, как он сам; поэтому поступок не может отрекаться от них или

презирать их. Но и наоборот, среди последствий находятся также вторгшиеся извне и привходящие случайно, не имеющие никакого отношения к природе поступка. Развитие противоречия, содержащегося в *необходимости конечного*, есть в наличном бытии именно переход необходимости в случайность и наоборот. Поэтому действовать и означает с этой стороны *отдать себя во власть этого закона*. Этим объясняется, что преступнику идет на пользу, если его поступок имел не столь дурные последствия, так же как добный поступок должен мириться с тем, что он не имел никаких или очень незначительных последствия и что преступление, чреватое серьезными последствиями, отягощается ими. *Героическое самосознание* (как в античных трагедиях, в «Эдипе» и др.) еще не перешло от своей основательности к рефлектированию различия между *действием и поступком*, внешним происшествием и умыслом и знанием обстоятельств, так же как и кциальному рассмотрению последствий, а принимает вину во всем объеме действия.

Прибавление. В том обстоятельстве, что я признаю только то, что было моим представлением, состоит переход к намерению. Только то, что я знал о данных обстоятельствах, может быть вменено мне в вину. Но существуют необходимые последствия, которые связаны с каждым поступком, даже если я совершаю нечто единичное, непосредственное, и которые суть тем самым содержащееся в нем всеобщее. Последствия, которые можно было бы предотвратить, я, правда, предвидеть не могу, но я должен знать всеобщую природу единичного действия. Дело здесь не в единичном, а в целом, которое не относится к определенному в особенном поступке, а к его всеобщей природе. Переход от умысла к намерению состоит в том, что я должен знать не только мой единичный поступок, а всеобщее, с ним связанное. Выступая таким образом, всеобщее есть желаемое мною, мое *намерение*.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ
НАМЕРЕНИЕ И БЛАГО

§ 119

Внешнее наличное бытие поступка представляет собой многообразную взаимосвязь, которая может рассматриваться как бесконечно разделенная на *единичности* и поступок может рассматриваться так, будто он ближайшим образом *коснулся лишь одной такой единичности*. Но исти-